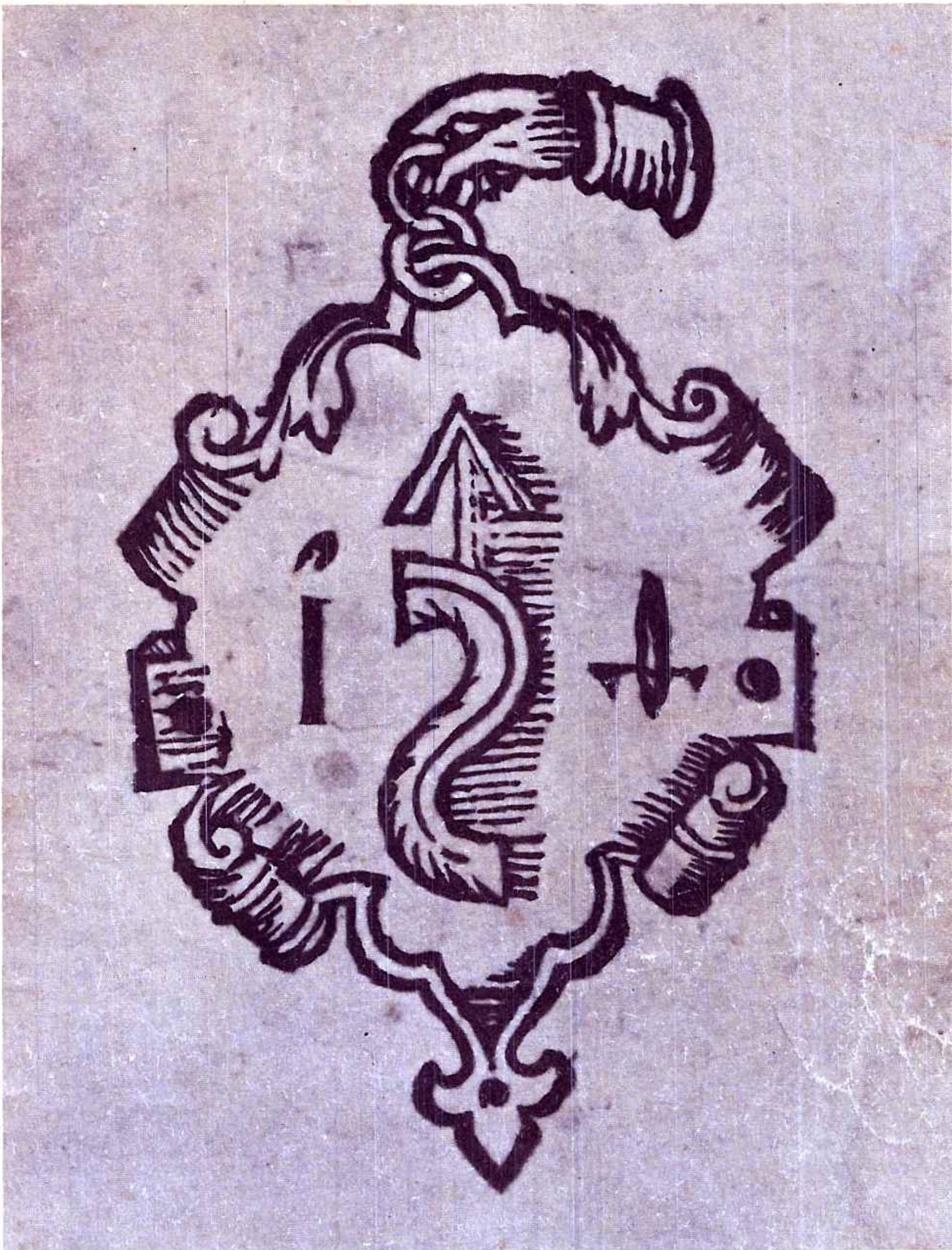

НАУКА И ЖИЗНЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

● Дело, начатое 400 лет назад Иваном Федоровым, за годы Советской власти приобрело невиданный размах — за эти годы у нас издано втрое больше книг, чем за первые 353 года, прошедшие со времени выхода «Апостола».

● В марте на курсах «Химия для всех»: чтения «Химия в действии», «Творцы химии», беседа из цикла «Основы химии», химический практикум и консультация

● Гидропоника дает растениям возможность работать на полную мощность

● Профессор Л. Громов с сотрудниками не только раскрыл много новых особенностей влияния организма матери на плод, но и обнаружил обратную зависимость: плод

влияет на материнский организм, помогает ему

● Новая профессия фильмоскопа: лектор Г. Петров использует его для изготовления диафильмов

● Бумажные деньги — документы истории, и в силу этого они могут рассказать о многом

● Профессор К. Петровский напоминает: чтобы мозг работал хорошо, организм должен получать достаточное количество глютаминовой кислоты

● Было бы несколько опрометчиво назвать «несложными» «Задачи без сложных расчетов», предлагаемые на курсах «Готовьтесь к конкурсным экзаменам».

3

1964

Рубин «Абас»

ИЗ КНИГИ
«ПОДВИГИ ШЕРЛОКА ХОЛМСА»

Адриан КОНАН-ДОЙЛЬ,
Джон Диксон КАРР

«Со времени нашей поездки в Девоншир он был занят расследованием двух очень важных дел... известного скандала в Нонпарейл-клубе... и дела несчастной мадам Монпансье».

Из повести Артура Конан-Дойля
«СОБАКА БАСКЕРВИЛЕЙ»

ПРОСМАТРИВАЯ свои заметки, я нашел запись о том, что первая зимняя выюга в 1886 году разразилась вечером 10 ноября. В тот день с утра было пасмурно, холодно, за окнами выл резкий, пронизывающий ветер. А когда рано наступившие сумерки сгустились в непроглядную темень, уличные фонари на Бейкер-стрит осветили первый шквал мокрого снега, летевшего вдоль тускло поблескивающей пустынной мостовой.

Не более трех недель прошло с тех пор, как Шерлок Холмс и я вернулись из Дартмура, закончив расследование того выдающегося дела, подробности которого я впоследствии описал в повести «Собака Баскервильей». За это время к моему другу несколько раз обращались за консультацией, но ни одно из этих дел не привлекло Холмса, любившего случаи необычные, сложность которых вдохновляла его единственный в своем роде дар логического мышления и дедукции.

Огонь весело потрескивал в камине. Откинувшись на спинку кресла, я созерцал уютный беспорядок, царивший в нашей гостиной. За окнами бесновался ветер, в стекла барабанил дождь. Но эти звуки только усиливали ощущение внутреннего покоя. Холмс сидел в своем кресле по другую сторону камина и лениво листал записную книжку, в которую он только что занес запись, озаглавленную «Баскервиль».

Просматривая фамилии и заметки, которыми были заполнены страницы книжки, он время от времени довольно улыбался и издавал неопределенные восклицания. Я отбросил номер «Ланцета», решив расспросить своего друга по поводу нескольких фамилий, которые были мне неизвестны, как

вдруг сквозь завывания ветра слышались слабые звуки дверного колокольчика.

— К вам кто-то идет, — сказал я.

— Это, несомненно, клиент, — ответил Холмс, откладывая в сторону свою записную книжку. — И по неотложному делу, — добавил он, бросив взгляд в окно. — Такие не приветливые вечера — всегда вестники...

Его слова были прерваны топотом ног по ступенькам лестницы, дверь распахнулась, и, споткнувшись на пороге, в комнату влетел посетитель.

Это был толстый, невысокого роста мужчина в котелке, повязанном сверху шерстяным шарфом. Он был закутан в плащ, с которого капала вода. Холмс наклонил абажур лампы так, чтобы она осветила пришельца. На какое-то мгновение посетитель застыл в неподвижности, разглядывая нас; капли воды стекали с его мокрой одежды и расплывались в темные пятна на ковре. Он мог бы показаться комичным, этот ко-

● ЛЮБИТЕЛЯМ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ротконогий толстяк с оплывшим лицом, обмотанным шарфом, если бы не выражение беспомощного отчаяния в карих глазах и трясущиеся руки, которыми он хватался за нелепый узел шарфа.

— Раздевайтесь и проходите к огню,— приветливо пригласил его Холмс.

— Я должен извиниться, джентльмены, за свое неожиданное вторжение,— начал посетитель.— Но боюсь, что возникли обстоятельства, которые угрожают... угрожают...

— Быстрее, Ватсон!

Но я опоздал. Наш посетитель со стоном рухнул на ковер и потерял сознание. Схватив со стола бутылку бренди, я подбежал к нему и стал вливать целительный напиток сквозь стиснутые зубы в рот, а Холмс принялся развязывать шарф.

— Что вы можете сказать о нем, Ватсон? — спросил Холмс.

— У него сильное потрясение,— ответил я.— Судя по внешности, он преуспевающий и пользующийся уважением торговец. Когда он придет в себя, мы, несомненно, узнаем о нем подробней.

— Хм, я думаю, что мы можем позволить себе пойти несколько дальше,— задумчиво сказал мой друг.— Когда дворецкий из богатого дома опрометью мчится, невзирая на выюгу, для того, чтобы упасть без чувств на мой потертый ковер, мне хочется думать, что здесь кроется нечто более важное, нежели взлом кассы.

— Дорогой Холмс!

— Я готов держать пари на гинею, что под этим плащом ливрея. А! Разве я не говорил вам!

— Но даже теперь я не понимаю, как вы догадались об этом. И откуда вам известно, что он из богатого дома?

Холмс приподнял безвольно повисшие кисти рук посетителя.

— Вы видите, Ватсон,— подушечки обоих больших пальцев темные. Для человека, ведущего сидячий образ жизни, я знаю только одно занятие, которое приводит к появлению таких одинаковых пятен. Этот человек полирует серебро подушечками больших пальцев.

— Но ведь для этого обычно применяется замша,— запротестовал я.

— Для обычного столового серебра — да. Но очень дорогое серебро полируется пальцами. Отсюда мой вывод о богатом доме. О внезапности его поспешного ухода из дома говорит то, что он ринулся на улицу в лакированных туфлях, хотя снегопад начался около шести часов. Ну, теперь вам стало лучше,— добавил он ободряюще, увидев, что посетитель открыл глаза.— Мы с доктором Ватсоном перенесем вас в кресло, и, когда отдохнете немного, вы, несомненно, расскажете нам о ваших неприятностях.

Посетитель стиснул голову руками.

— Отдохнуть немного! — вскричал он.— Мой бог, они, наверное, уже преследуют меня!

— Кто преследует вас?

— Полиция, сэр Джон, все они! Рубин «Абас» украден!

Толстяк уже не говорил, а почти визгли-

во кричал. Мой друг шагнул вперед и положил свои длинные тонкие пальцы на его запястье. Я уже рассказывал однажды о почти магнетической способности Холмса успокаивать тех, чей ум был во власти отчаяния. Так случилось и на этот раз; выражение панического страха в глазах посетителя медленно угасло.

— Ну, теперь рассказывайте,— подождав немного, предложил Холмс.

— Я Эндрю Джолиф,— начал наш посетитель более спокойно,— последние два года я служил дворецким у сэра Джона и леди Довертон на Манчестер-сквер.

— Сэр Джон, цветовод?

— Да, сэр. Действительно, люди говорят, что для сэра Джона его цветы и особенно знаменитые красные камелии дороже рубина «Абас» и всех его других фамильных драгоценностей. Я думаю, вы знаете об этом рубине, сэр?

— Я знаю о его существовании. Но все-таки расскажите все, что знаете о нем.

— Он способен напугать человека, бросившего на него взгляд. Он как большая капля крови, внутри которой тлеет частичка дьявольского огня. За два года я видел его только раз. Сэр Джон держит его в сейфе в своей спальне, как смертельно ядовитое существо, которое не должно видеть дневной свет. Сегодня вечером я увидел его во второй раз. Это было сразу же после обеда, когда один из наших гостей, капитан Мастермэн, попросил сэра Джона показать им рубин «Абас»...

— Их имена,— скучающим голосом прервал повествование Холмс.

— Имена, сэр? Ах, вы имеете в виду гостей! Там были капитан Мастермэн, брат леди, лорд и леди Брэкминстер, госпожа Данбер, высокочтимый Вильям Рэтфорд, наш член парламента, и госпожа Фицсиммонс-Лемминг.

Холмс нацарапал какое-то слово на своей манжете.

— Продолжайте, пожалуйста,— сказал он.

— Я накрывал стол для кофе в библиотеке, когда капитан обратился к сэру Джону. Все леди начали наперебой просить показать драгоценный камень. «Я предпочел бы показать вам красные камелии в оранжевое», — сказал сэр Джон.— Тот цветок, который приколот к платью моей жены, без сомнения, гораздо прекраснее всего, что можно найти в шкатулках для драгоценностей. Вы можете сами судить об этом».

«Тогда давайте мы сами и решим», — улыбнулась госпожа Данбер.

Сэр Джон поднялся наверх и принес шкатулку с драгоценностями. Когда он открыл шкатулку на столе и все собрались вокруг него, леди велела мне зажечь лампы в оранжевое, так как гости вскоре должны были идти смотреть красные камелии. Но красных камелий там не было!

— Я не понял вас.

— Они исчезли, сэр! Исчезли все до одной! — хрипло выкрикнул наш посетитель.— Когда я вошел в оранжевую, то так и прирос к месту, держа лампу над головой; мне показалось, что я сошел с ума. Знаменитый куст был в полной сохранности, но от дю-

жины больших цветов, которыми я восхищался днем, не осталось даже лепестка.

Шерлок Холмс протянул свою длинную руку за трубкой.

— Прелестно, прелестно,— сказал он.— Эта история доставляет мне чрезвычайное удовольствие. Продолжайте, пожалуйста.

— Я побежал обратно в библиотеку, чтобы сказать об этом. Леди вскричала: «Этого не может быть! Я сама видела цветы, когда срывала перед обедом один из них для себя». «Но дворецкий же был там!» — возразил сэр Джон и, сунув шкатулку с драгоценностями в ящик стола, кинулся в оранжевую, а за ним и все остальные. Камелии действительно исчезли.

— Подождите,— прервал рассказ Холмс.— Когда их видели в последний раз?

— Я видел их в четыре часа, а так как леди сорвала одну из них перед самым обедом, то, значит, они были еще на кусте около восьми часов вечера. Но не в цветках дело, мистер Холмс. Дело в рубине!

— А!

Наш посетитель подался вперед в своем кресле.

— Библиотека оставалась пустой всего несколько минут!— Он перешел на шепот.— Но когда сэр Джон, почти потерявший рассудок из-за таинственного исчезновения своих цветов, возвратился и открыл ящик стола, оказалось, что рубин «Абас» вместе со шкатулкой исчез так же бесследно, как и камелии.

Несколько мгновений мы сидели в молчании, которое нарушалось только потрескиванием угольков в камине.

— Джолиф...— размышлял вслух Холмс,— Эндрю Джолиф. Каттертонское похищение бриллиантов. Не так ли?

Толстяк зарылся лицом в ладони.

— Я рад, что вы знаете об этом, сэр,— пробормотал он наконец.— Но, видит бог, я был честен с тех пор, как вышел на свободу три года назад. Капитан Мастермэн был очень добр ко мне и устроил меня на работу к своему зятю. За все это время я ни разу не подвел его. Я был доволен своим жалованьем и надеялся, что со временем смогу накопить достаточно денег, чтобы купить табачную лавочку.

— Продолжайте.

— Так вот, я послал конюшенного мальчика за полицией и задержался в вестибюле. Вдруг я услышал из-за приоткрытой двери библиотеки голос капитана Мастермэна. «Черт побери, Джон, я хотел помочь этому неудачнику,— сказал он.— Но теперь я клянусь себя за то, что не рассказал вам о его прошлом. Он, наверное, проскользнул сюда в то время, когда все были в оранжевой, и...» Я не стал медлить, сэр, и, сказав Роджеру, швейцару, что если кому-нибудь понадобится, пусть ищут меня у мистера Шерлока Холмса, кинулся сюда. Я много слышал о вас и верил, что вы не посчитаете зазорным спасти от неправого суда того, кто уже заплатил свои долги обществу. Вы моя единственная надежда, сэр, и... Боже мой, я так и знал!

Дверь стремительно распахнулась, и в комнату шагнул высокий блондин, закутанный по уши в заснеженный плащ.

— А, Грегсон, мы вас ждали!

— Не сомневаюсь, мистер Холмс,— сухо ответил инспектор Грегсон.— Этот человек наш, и мы, надо думать, найдем с ним общий язык.

Наш несчастный клиент вскочил с кресла.

— Но я не виновен! Я даже не прикасался к рубину! — простонал он.

Агент Скотланд-Ярда хмуро улыбнулся и, вынув из кармана плоский ящичек, сунул его под нос арестованному.

— Боже, спаси нас! Это та самая шкатулка для драгоценностей! — задыхаясь, прошептал Джолиф.

— Стало быть, вы опознали ее. Где же, по-вашему, ее нашли? Она была найдена там, куда вы положили ее,— под вашим матрацем.

Лицо Джолифа стало пепельно-серым.

— Но я не прикасался к ней,— повторял он монотонно.

— Подождите, Грегсон,— вмешался Шерлок Холмс.— Насколько я понимаю, рубин «Абас» у вас?

— Нет,— ответил инспектор,— шкатулка была пуста. Но рубин не мог деться куда-нибудь далеко, и сэр Джон предлагает награду в пять тысяч фунтов стерлингов.

— Можно мне осмотреть шкатулку? Благодарю вас. Ну и ну, какое жалкое зрелище! Замок цел, а петли сломаны. Бархат телесного цвета. Но, конечно...

Выхватив свою лупу, Холмс придвинул шкатулку поближе к настольной лампе и тщательно ее исследовал.

— Очень интересно,— произнес он наконец.— Кстати, Джолиф, рубин был вделан в оправу?

— Он был вставлен в цепочку резного золотого медальона. Мистер Холмс, пожалуйста...

— Можете быть спокойны, я сделаю для вас все, что смогу. Итак, Грегсон, мы больше не будем вас задерживать.

Детектив защелкнул наручники на руках нашего несчастного посетителя, и через мгновение дверь закрылась за ними.

Некоторое время Холмс задумчиво курил. Он пододвинул кресло к камину и, подперев подбородок ладонями, опустив локти на колени, смотрел в глубоком раздумье на огонь. Красные отсветы пламени озаряли его острые, тонкие черты.

— Вы когда-нибудь слышали о Нонпарейл-клубе, Ватсон? — спросил он внезапно.

— Мне незнакомо это название,— признался я.

— Это наиболее замкнутый игорный клуб Лондона,— продолжал он,— секретный список его членов выглядит, как «Дебрэ» с примесью «Готского альманаха»¹. Когда-то мне довелось просматривать этот список.

¹ «Готский альманах» — дипломатический ежегодник, издававшийся в Готе с 1763 года. В нем публиковались генеалогические сведения о высшей аристократии Европы. «Дебрэ» — книга английских пэров.

— Святой боже, Холмс, для чего это вам понадобилось?

— Богатству сопутствует преступление, Ватсон. Это тот нерушимый закон, который определял испорченность людей во все времена.

— Но какое отношение имеет этот клуб к рубину «Абас»? — спросил я.

— Вероятно, никакого. А может быть, самое непосредственное. Будьте добры, передайте мне том «Биографического указателя» на букву «М» с полки над подставкой для трубок. Боже мой, поистине примечательно, до чего же много известных фамилий умещается в одной букве алфавита! Вы нашли бы, что проштудировать этот список очень полезно, Ватсон. А вот и тот, я думаю, кто нам нужен... Маппинс... Мерстон, отравитель... Мастермэн. Капитан Брюс Мастермэн, родился в 1856 году, получил образование... Ха! Был заподозрен в причастности к подделке завещания, секретарь Нонпарейл-клуба; член... все совершенно верно. — Мой друг бросил книгу на кушетку. — Ну, Ватсон, есть ли у вас желание совершить ночную прогулку?

— Разумеется, Холмс. Но куда?

— Это будет зависеть от обстоятельств.

Ветер утих. Когда мы вышли на заснеженную тихую улицу, вдали, на башне Большого Бена, пробило десять. Мы были одеты достаточно тепло, но холод был настолько пронизывающий, что быстрая ходьба до Мэрилебон Роуд в поисках кеба была для меня очень кстати.

— Неплохо было бы заехать на Манчестер-сквер, — заметил Холмс, когда мы уехали в киб и, укрывшись полостью, понеслись по заснеженным улицам. Вскоре мы остановились перед портиком внушительного дома времен короля Георга. Указывая на землю, Холмс сказал:

— Гости уже ушли. Видите, колеса оставили следы уже после окончания снегопада.

Швейцар взял наши визитные карточки, и через несколько секунд нас провели через вестибюль в великолепную библиотеку. У камина спиной к огню стоял высокий худой сидящий человек, с чрезвычайно грустным лицом. Полулежавшая в шезлонге женщина встала, когда мы вошли, и повернулась к нам.

Один крупный художник нашего времени увековечил леди Довертон, но я осмелюсь сказать, что ни один портрет не сможет в полной мере воздать должное той высокомерной и прекрасной женщине, которую мы увидели. Она была в белом атласном платье, алый цветок горел на корсаже. Золотые отблески свеч сияли на ее бледном лице, словно высеченном из мрамора гениальным скульптором, искрились в бриллиантах, которые украшали ее роскошные каштановые волосы.

Ее собеседник нетерпеливо шагнул нам навстречу.

— Мистер Холмс, я очень благодарен вам! — воскликнул он. — То, что вы, невзирая на непогоду, поспешили прийти, чтобы начать поиски преступника, убедительно

говорит о вашей отзывчивости, сэр. Очень убедительно.

Холмс поклонился.

— Рубин «Абас» — знаменитая драгоценность, сэр Джон.

— Ах, рубин. Да, да, конечно, — ответил сэр Джон Довертон. — Очень жаль. К счастью, есть еще бутоны. Ваши познания в цветоводстве подскажут вам...

Жена прервала сэра Джона, прикоснувшись пальцами к его руке.

— Дело уже передано в руки полиции, — сказала она надменно, — и я не понимаю, чем мы обязаны визиту мистера Шерлока Холмса.

— Я отниму у вас совсем немного времени, леди Довертон, — ответил мой друг. — Мне будет вполне достаточно заглянуть на несколько минут в вашу оранжерею.

— С какой целью, сэр? Какая связь может быть между оранжереей моего мужа и пропавшим драгоценным камнем?

— Именно это я и хочу выяснить.

Леди Довертон холодно улыбнулась.

— А тем временем полиция уже арестует вора.

— Думаю, что нет.

— Вздор! Человек, который сбежал от нас, ранее уже обвинялся в похищении драгоценностей. Все достаточно ясно.

— Пожалуй, слишком ясно, мадам. Разве вам не показалось странным то, что бывший заключенный, знающий, что его прошлое известно вашему брату, крадет знаменитый драгоценный камень у своего хозяина, а затем уличает себя, спрятав шкатулку под своим матрацем, где ее непременно найдет даже Скотланд-Ярд?

Леди Довертон поднесла руку к груди.

— Я не думала об этом, — сказала она.

— Естественно, — согласился Холмс. — Но, боже мой, до чего же красив этот цветок! Наверное, это та самая красная камелия, которую вы сорвали днем?

— Вечером, как раз перед обедом.

— *Spes ultima gentis!*¹ — мрачно изрек сэр Джон. — По крайней мере, до следующего цветения.

— Совершенно верно. Мне было бы очень интересно посмотреть вашу оранжерею.

Мы прошли вслед за нашим провожатым по небольшому коридору, который вел от библиотеки к стеклянной двери оранжереи. Пока знаменитый садовод и я ждали у входа, Холмс медленно углубился в темный душный полумрак оранжереи. Зажженная свеча, которую он нес в руке, то исчезала из виду, то появлялась, словно гигантский светлячок, среди странных очертаний кактусов и кустов редких тропических растений. Приблизив свечу к кусту камелий, он некоторое время разглядывал его через лупу.

— Несчастные жертвы злодейского ножа, — простонал сэр Джон.

— Нет, они были срезаны маленькими изогнутыми ножницами для ногтей, — заметил Холмс. — Вы можете сами увидеть, что на стебельках нет тех заусенцев, которые

¹ Последняя надежда рода! (лат.).

обычно получают, если срезать их ножом. Кроме того, небольшой разрез на листке показывает, что кончики ножниц выходили за стебелек цветка. Так. Я думаю, что здесь больше выяснять нечего.

Когда мы возвращались, Холмс остановился около маленького окна в коридоре. Открыв задвижку и чиркнув спичку, он перегнулся через подоконник.

— Под этим окном проходит дорожка, которой пользуется прислуга, — пояснил сэр Джон.

Я наклонился через плечо моего друга. Внизу от стены дома до края узкой тропинки сугробом лежал нетронутый снег. Холмс ничего не сказал, но, когда он выпрямился, я заметил на его лице удивление, почти досаду.

Леди Довертон ждала нас в библиотеке.

— Боюсь, что ваша слава преувеличена, мистер Холмс, — сказала она, и насмешка промелькнула в ее прелестных голубых глазах. — Я думала, что вы вернетесь со всеми пропавшими цветами и, может быть, даже с самым рубином «Абас».

— Во всяком случае, я надеюсь вернуть вам последнее, мадам, — сказал Холмс холодно.

— Опасная похвальба, мистер Холмс.

— Вряд ли кто-нибудь скажет вам, что мне свойственна хвастливость. А теперь, так как мы с доктором Ватсоном уже немного опаздываем в Нонпарейл-клуб... Бог мой, леди Довертон, боюсь, что вы сломали свой веер! Мне остается только принести извинения по поводу нашего вторжения и пожелать доброй ночи.

Мы уже доехали до Оксфорд-стрит, как вдруг Холмс, сидевший в полном молчании, с головой, опущенной на грудь, вскочил, распахнул дверцу и крикнул что-то нашему кэбмену.

— Какой я глупец! — воскликнул он, хлопнув себя по лбу, когда наш кэб повернул обратно. — Это какое-то помрачение ума!

— В чем дело?

— Ватсон, если когда-нибудь у меня появятся признаки самодовольства, шепните мне, пожалуйста, на ухо слово «каме-лии».

Через несколько минут мы снова оказались перед портиком особняка сэра Джона Довертона.

— Не стоит беспокоить обитателей дома, — вполголоса произнес Холмс. — Насколько я понимаю, эта калитка ведет к входу для прислуги.

Мой друг быстрым шагом двинулся по дорожке вдоль стены дома, пока мы не оказались под окном, которое, как я сообразил, выходило из уже известного нам коридора. Опустившись на колени, Холмс начал осторожно разгребать снег голыми руками. Немного спустя он выпрямился, и я увидел, что он расчистил от снега большую площадку.

— Давайте рискнем зажечь спичку, Ватсон, — с коротким смешком предложил он.

Я чиркнул спичкой: на черной земле, очищенной Холмсом от снега, лежали малень-

кой кучкой красновато-бурые замерзшие цветы.

— Камелии! — вырвалось у меня. — Дорогой мой, что это значит?

Лицо моего друга, когда он поднялся, было суровым.

— Преступление, Ватсон, — сказал он. — Умное, тщательно рассчитанное преступление.

Он поднял безжизненный цветок и некоторое время молча разглядывал на ладони темные, поблекшие лепестки.

— Эндрию Джолифу повезло, что он успел прийти на Бейкер-стрит прежде, чем его настиг Грегсон, — промолвил он задумчиво.

— Разбудить дом? — спросил я.

— Вы всегда были человеком действия, Ватсон, — ответил Холмс, сухо усмехнувшись. — Нет, мой дорогой, я думаю, что нам лучше вернуться без шума к нашему кэбу и отправиться на Сент-Джеймс-стрит.

За событиями этого вечера я потерял всякое представление о времени. Когда мы, проехав от Пикадилли до Сент-Джеймс-стрит, остановились у дверей элегантного, ярко освещенного дома, я с изумлением увидел, что часы на Палас-Ярд показывают уже без малого полночь.

— Жизнь в Нонпарейл-клубе начинается тогда, когда его соседи по Клаблэнду¹ уже засыпают, — молвил Холмс, потянув ручку дверного колокольчика. Он черкнул несколько слов на визитной карточке и протянул ее лакею, открывшему дверь.

Когда мы в сопровождении лакея поднялись по мраморной лестнице наверх, я мельком увидел величественные, роскошно отделанные залы, где небольшие группы людей в вечерних костюмах сидели, погружившись в чтение газет, или толпились вокруг карточных столиков из розового дерева.

Наш провожатый постучал в какую-то дверь. Мы оказались в пропахшей сигарным дымом небольшой уютной комнате, увешанной игривыми гравюрами. Высокий военный с коротко подстриженными усами и густыми каштановыми волосами, лениво развалившийся в кресле перед камином, даже не пошевелился, когда мы вошли. Повертев карточку Холмса, он холодно посмотрел на нас голубыми глазами, которые живо напомнили мне глаза леди Довертон.

— Вы выбираете очень странное время для визита, джентльмены, — сказал он с оттенком враждебности в голосе. — Сейчас чертовски поздно.

— И становится еще позднее, — заметил мой друг. — Нет, капитан Мастермэн, стул не нужен. Я предпочитаю стоять.

— Что ж, стойте. Что вам нужно?

— Рубин «Абас», — спокойно промолвил Шерлок Холмс.

Я вздрогнул и стиснул свою трость. Несколько мгновений Мастермэн в молчании пристально смотрел на Холмса из глубины

¹ Клаблэнд — название части Лондона, где сосредоточены главные аристократические клубы.

кресла, а затем, закинув голову, расхохотался.

— Дорогой сэр, вы должны извинить меня! — вскричал он наконец с искаженным от смеха лицом. — Но вы требуете слишком многого. Среди членов Нонпарейл-клуба не бывает лакеев, сбежавших от суда. Вам следует искать Джолифа в другом месте.

— Я уже разговаривал с ним.

— Ах, вот как! — насмешливо улыбнулся Мастермэн. — Значит, вы представляете интересы дворецкого?

— Нет, я представляю интересы правосудия, — сурово ответил Холмс.

— Бог мой, до чего торжественно сказано! Ваше счастье, мистер Холмс, что у меня нет свидетелей. Вы позволили себе высказать такие утверждения, что вам пришлось бы плохо в суде. Должен сказать, что клевета обходится в кругленькую сумму — пять тысяч гиней. Выход в дверь — сзади вас.

Холмс неторопливо пересек комнату и, вынув из кармана часы, сверил их с часами, которые стояли на камине.

— Сейчас пять минут первого, — произнес он. — Для того, чтобы доставить рубин ко мне на Бейкер-стрит, в вашем распоряжении время до 9 часов утра.

Мастермэн вскочил с кресла.

— Слушайте, черт вас возьми!.. — зарычал он.

— Так мы не договоримся, капитан Мастермэн, — прервал его Холмс. — Чтобы вы поняли, что мое требование не блеф, я в назидание вам бегло перечислю несколько обстоятельств дела. Вы знали прошлое Джолифа и устроили его на работу к сэру Джону, имея в виду, что это пригодится вам в будущем.

— Докажите, черт вас возьми! Что вы суετε нос в чужие дела?

— Позже вам понадобятся деньги, — продолжал невозмутимо Холмс, — много денег, если судить по стоимости рубина «Абас». Я не сомневаюсь, что, ознакомившись с вашими карточными долгами, мы смогли бы назвать эту сумму. Тогда вы изобрели — я с сожалением должен добавить, с помощью вашей сестры, — план, хитро задуманный и беспощадно исполненный.

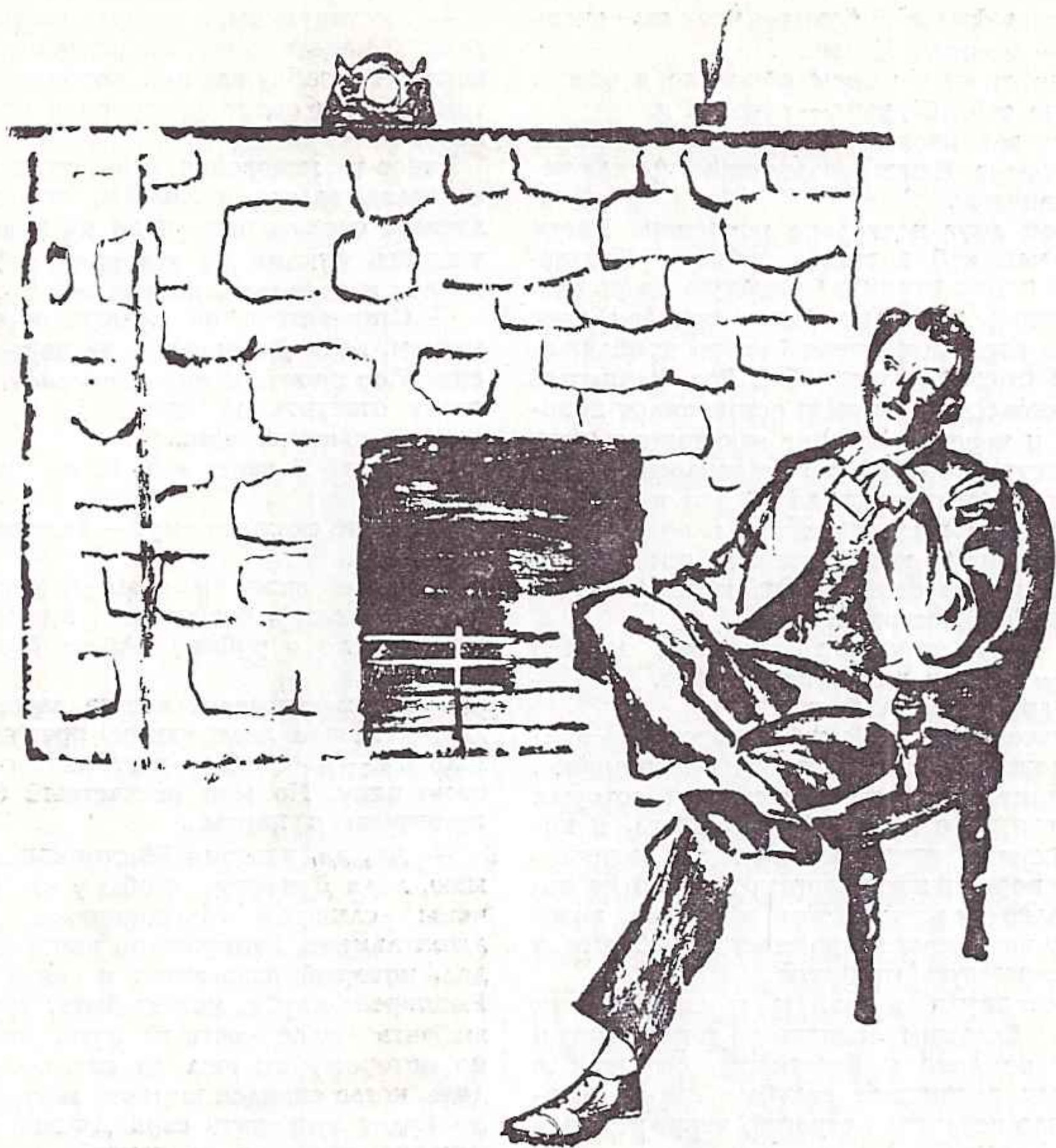
От леди Довертон вы получили точное и подробное описание шкатулки, в которой хранился драгоценный камень, и заказали ее копию. Трудность заключалась в том, что вы не знали, когда сэр Джон достанет рубин из сейфа: он делал это очень редко. Известие о предстоящем званом обеде, на который вы были приглашены в числе других гостей, навело вас на очень простое решение. Полагаясь на то, что все дамы искренне вас поддержат, вы решили попросить своего зятя показать драгоценность. Но как сделать так, чтобы сэр Джон и все остальные ушли из комнаты, оставив рубин? Вот здесь-то, мне думается, и обнаруживаются почти неуловимые следы участия женского ума в выработке плана. Не было способа более надежного, нежели использовать гордость сэра Джона — его знаменитые красные камелии. И этот способ подействовал именно так, как вы предвидели.

Когда Джолиф вернулся с известием, что цветы оборваны, сэр Джон тут же сунул шкатулку куда попало и вместе с гостями кинулся в оранжерею. Вы проскользнули обратно и положили шкатулку в карман. А когда похищение было обнаружено, то вы сообщили сэру Джону сущую правду о том, что негодяй дворецкий в прошлом имел судимость за кражу драгоценностей.

И все-таки, хоть план был умно задуман и смело осуществлен, вы допустили две существенные ошибки.

Первая состояла в том, что копия шкатулки, кстати, довольно неумело взломанная, которую вы, вероятно, за несколько часов до обеда подсунули под матрац кровати Джолифа, была отделана светлым бархатом. Осмотр через лупу показал, что на этой нежной поверхности не было ни малейшего следа потертости, которую обычно оставляет вделанный в цепочку драгоценный камень.

Вторая ошибка была роковой. Ваша сестра сказала, что сорвала цветок для своего наряда перед самым обедом. Если бы это действительно было так, то в восемь часов цветы еще должны были быть в целости. Я задал себе вопрос, что бы я сделал, если бы захотел отделаться как можно быстрее от дюжины цветов. Ответ прост: выкинул бы их в ближайшее окно, в данном случае в окно коридора, ведущего из оранжерей.

Но на глубоком снегу под окном не было видно никаких следов. Должен вам признаться, вначале это несколько озадачило меня. Но затем—доктор Ватсон может это подтвердить—я понял, что задача решается очень просто. Я вернулся, расчистил снег под окном и нашел останки пропавших камелий, лежащие на мерзлой земле. Цветы не могли утонуть в снегу—они слишком легки. Значит, они были выброшены до снегопада, начавшегося в шесть часов. Следовательно, рассказ леди Довертон—вымысел, и в этих увядших цветах кроется решение всей загадки.

Во время рассказа моего друга я наблюдал, как краска гнева на лице Мастермэна постепенно сменялась отталкивающей бледностью. Когда Холмс смолк, капитан, злое поблескивая глазами, стремительно кинулся в угол комнаты к столу.

— Не советую,—сказал Холмс любезно.

Мастермэн помолчал, не отнимая руки от ящика стола.

— Что вы собираетесь делать? — проскрежетал он.

— В случае, если рубин «Абас» будет доставлен ко мне до девяти часов, я не стану предавать дело огласке и по моей просьбе сэр Джон, несомненно, воздержится от дальнейшего расследования. Я берегу имя его жены. В ином случае вы почувствовали бы всю тяжесть моей руки, капитан Мастермэн. Вы совратили свою сестру, вы составили грязный заговор с целью поймать в ловушку невинного человека. Когда я сопоставляю все это, я затрудняюсь вспомнить более гнусное преступление.

— А скандал, черт вас возьми! — вскричал Мастермэн.— Скандал в Нонпарейл-клубе! Я по уши в карточных долгах, и если я отдам вам этот рубин...

Он помолчал и украдкой бросил на нас быстрый взгляд.

— Послушайте, Холмс, что вы скажете о предложении сыграть?..

Мой друг направился к двери.

— В вашем распоряжении время до девяти часов,—сказал он холодно.— Пойдемте, Ватсон.

Снова начал падать снег, когда мы на Сент-Джеймс-стрит ждали, пока привратник вызовет кэб.

— Дорогой мой, боюсь, что вы очень устали,— заметил Холмс.

— Наоборот, в вашем обществе я всегда чувствую себя бодрым,— ответил я.

— Ну, вы вполне заслужили несколько часов отдыха. Наши сегодняшние приключения окончены.

Но мой друг несколько поспешил. Когда запоздалый кеб доставил нас на Бейкер-стрит и я уже открывал входную дверь своим ключом, наше внимание привлек свет фонарей кареты, которая быстро приближалась со стороны Мэрилебон Род. Закрытый четырехколесный экипаж остановился неподалеку, и через мгновение закутанная женская фигура торопливо направилась к нам. Лицо женщины скрывала густая вуаль, но было что-то смутно знакомое в ее высокой изящной фигуре и царственной посадке головы, когда она остановилась перед нами на заснеженной мостовой.

— Я хочу поговорить с вами, мистер Холмс,— сказала она повелительно.

Мой друг поднял брови.

— Ватсон, может быть, вы пройдете вперед и зажжете свет,— сказал он спокойно.

За многие годы, на протяжении которых я был связан с делами моего друга, я повидал немало красивых женщин, переступавших порог нашей квартиры. Но я не помню более красивой, чем женщина, которая в ту ночь вошла, прошелестев юбками, в нашу скромную гостиную.

Она откинула вуаль, и газовый рожок осветил бледным сиянием совершенную красоту ее лица и блестящие, опущенные длинными ресницами голубые глаза, которые смело встретили строгий, непреклонный взгляд Холмса.

— Я не ожидал столь позднего визита, леди Довертон,— промолвил он сурово.

— Я думала, что вы всезнающий человек, мистер Холмс,— ответила она с легкой насмешкой в голосе.— Но вы, пожалуй, совсем не знаете женщин.

— Я не понимаю...

— Значит, я должна напомнить вам о вашей похвальбе? Утрата рубина «Абас» — это несчастье, и я не могла унять свое беспокойство, не узнав, выполнили ли вы свое обещание. Ну, сэр, признайтесь, что вы потерпели неудачу!

— Наоборот, я добился успеха.

Наша гостья встала со стула, ее глаза блеснули.

— Это плохая шутка, мистер Холмс,— сказала она надменно.

Я уже упоминал где-то, что, хотя Холмс питал глубокое недоверие к противоположному полу, ему было свойственно рыцарское отношение к женщинам. Но сейчас, когда он смотрел на леди Довертон, его лицо словно окаменело, на нем застыло выражение угрозы. Я впервые видел его таким в присутствии женщины.

— Вы несколько запоздали с никому не нужным притворством, мадам,— сказал он.— Я посетил Нонпарейл-клуб и взял на себя труд объяснить вашему брату способ, с помощью которого он приобрел рубин «Абас», и ту роль, которую вы...

— Боже мой!

— ...которую вы, я говорю, сыграли в этом деле. Я надеюсь, что вы не захотите разрушить мое заблуждение, которое состоит в том, что вы сыграли эту роль не по своей воле.

Какое-то мгновение надменная леди молча вглядывалась в Холмса, затем со сдавленным стоном она упала на колени, схватившись руками за его пальто. Холмс нагнулся и поспешно поднял ее.

— Становитесь на колени перед вашим мужем, леди Довертон, а не передо мной,— спокойно произнес он.— Воистину, вам предстоит ответить за многое.

— Я клянусь вам...

— Тише! Я знаю все. И не пророню ни слова.

— Вы не скажете ему? — задыхаясь, спросила она.

— Я не вижу в этом пользы. Завтра утром Джолиф, безусловно, будет освобожден, и дело о рубине «Абас» будет закончено.

— Бог вознаградит вас за ваше милосердие,— сказала леди тихим, прерывающимся голосом.— Я сделаю все, чтобы искупить свою вину. Но мой несчастный брат — его проигрыш в карты...

— Ах, да, капитан Мастермэн... Я не думаю, леди Довертон, чтобы у вас были причины слишком беспокоиться об этом джентльмене. Банкротство капитана и скандал, который разразится в связи с этим в Нонпарейл-клубе, может быть, заставят его выбрать более честный путь, нежели тот, по которому он шел до сих пор. В самом деле, когда скандал немного забудется, можно будет уговорить сэра Джона, чтобы он устроил капитана на службу в колониальные войска. Судя по тому, что я знаю о предприимчивости и манере поведения этого молодого человека, я не сомневаюсь, что он очень подойдет для службы на северо-западной границе Индии.

Очевидно, события этого вечера утомили меня больше, чем я думал. Я проспал почти до 10 часов. Когда я вошел в гостиную, оказалось, что Холмс уже позавтракал. Он сидел в своем старом красном халате перед камином, откинувшись на спинку кресла и протянув ноги к огню. Воздух в гостиной прогорк от дыма трубки, которую он обычно выкуривал после завтрака, набивая ее остатками табака из трубок, не докуренных накануне. Позвонив мисс Хадсон, я попросил кофе и яичницу с ветчиной.

— Я рад, что вы появились вовремя, Ватсон,— сказал он, весело взглянув на меня из-под опущенных ресниц.

— Умение мисс Хадсон готовить завтрак в любое время — не последнее из ее достоинств,— ответил я.

— Вы правы. Но я говорю не о вашем завтраке. Я жду сэра Джона.

— В таком случае, Холмс, поскольку это дело деликатное, пожалуй, будет лучше, если я оставлю вас наедине.

Холмс знаком усадил меня обратно.

— Мой дорогой, я буду рад вашему присутствию. А вот, я думаю, и наш посетитель, на несколько минут раньше условленного срока.

В дверь постучали, и знаменитый цыгун вошел в комнату.

— У вас есть для меня новости, мистер Холмс?—воскликнул он нетерпеливо.— Скажите, сэр, скажите! Я весь внимание.

— Да, у меня есть новости для вас,— ответил Холмс с легкой улыбкой.

Сэр Джон устремился к нему.

— Значит, камелии...— начал он.

— Не надо волноваться. Было бы лучше, если бы мы забыли о тех красных камелиях. Я заметил на кусте массу прекрасных бутонов.

— Слава богу, вы правы,— сказал наш посетитель благоговейно.— И я рад видеть, мистер Холмс, что вы цените редкостные дары природы выше, нежели сокровища, созданные руками человека. И все-таки утрата рубина «Абас» ужасна. Есть ли у вас надежда вернуть драгоценность?

— Конечно. Но прежде чем продолжать обсуждение этого дела, я попрошу вас выпить вместе со мной бокал портвейна.

Сэр Джон удивленно поднял брови.

— В такой ранний час, мистер Холмс?— воскликнул он.— Право, сэр, я не думал...

— Ну,— улыбнулся Холмс, наполнив три бокала на буфетном столике и протягивая один из них нашему гостю.— Утро сегодня холодное, и я от души рекомендую вам это редкостное вино.

С легкой гримасой неодобрения сэр Джон поднес бокал к губам. Через мгновение тишину внезапно нарушил возглас удивления. Наш гость, белый, как платок, который он поднес к губам, широко открытыми глазами смотрел то на Холмса, то на пылающий огнем кристалл, который выпал из его рта на платок.

— Рубин «Абас»,— растерянно прошептал он.

Холмс искренне рассмеялся и, сложив руки, поднес их к груди.

— Вы должны простить меня!— воскликнул он.— Доктор Ватсон подтвердит вам, что я никогда не могу удержаться от этих театральных эффектов. Наверное, сказывается тот факт, что в моих жилах течет вернейшая кровь.

Ошеломленный сэр Джон не в силах был оторвать взгляд от драгоценного камня, ко-

торый мерцал, как раскаленный уголек, на фоне белоснежного платка.

— Боже мой! Я едва верю своим глазам,— сказал он дрожащим голосом.— Как вам удалось вернуть его?

— А тут я должен просить вас о снисхождении, так как скажу лишь, что ваш дворецкий Джолиф, столь тяжело пострадавший, освобожден из-под стражи сегодня утром и что драгоценный камень возвращен в целостности и сохранности своему законному владельцу,— ответил Холмс мягко.— Вот медальон и цепочка, с которой я позволил себе снять рубин, чтобы сыграть с вами маленькую шутку, положив драгоценный камень в ваш бокал портвейна. Прошу вас не продолжать расследование этого дела.

— Будет так, как вы хотите, мистер Холмс,— сказал сэр Джон горячо.— Право, у меня есть основания всецело полагаться на вас. Как мне выразить...

— Сэр, я далеко не богатый человек и предоставляю вам решить, заслуживаю ли я вашего вознаграждения в пять тысяч фунтов.

— Во много раз больше!— воскликнул сэр Джон, вынимая из кармана чековую книжку.— Кроме того, я пришлю вам черенок от моих красных камелий.

Холмс степенно поклонился.

— Я передам его на особое попечение доктору Ватсону,— сказал он.— Кстати, сэр Джон. Я бы хотел, чтобы вы выписали два отдельных чека. Один — на две с половиной тысячи фунтов стерлингов для Шерлока Холмса, а другой на ту же сумму — для Эндрю Джолифа. После всего того, что произошло, не исключено, что в один прекрасный день вы придете к выводу, что у вашего бывшего дворецкого немножко пошаливают нервы. А этой суммы ему будет достаточно, чтобы осуществить заветную мечту — открыть свою табачную лавку. Благодарю вас, мой дорогой сэр. А теперь, я думаю, мы можем один раз изменить нашим утренним привычкам и, выпив по бокалу вина, скромно отметить успешное завершение дела об исчезновении рубина «Абас».

Перевод с английского Б. КОЛТОВОГО.

ТУТ ПОДОШЕЛ ПУТЕШЕСТВЕННИК...

● — Кто отвечает за этих коров? Вы?

Тут подошел путешественник и заметил:

— Разумеется, он. Сам-то они говорить не умеют.

● — Современные здания гораздо красивее и прочнее древних,— горячо уверял один защитник новейшей архитектуры.

Тут подошел путешественник и скептически заметил:

— Это еще нужно доказать. Найдите мне хоть одно современное здание, которое простояло столько же, сколько и древние!

● — Я не спал сегодня всю ночь,— жаловался постоялец в шумном отеле.— Даже глаз не закрыл ни на минуту.

Тут подошел путешественник и сказал укоризненно:

— Вы сами виноваты. Чтобы уснуть, нужно обязательно закрыть глаза.

● Экскурсовод в музее объяснял туристам:

— Это знаменитая кровать. На ней спали Гете, Наполеон, Россини и Бальзак.

Тут подошел путешественник и спросил:

— Неужели им не было тесно вчетвером?

● ПО РАЗНЫМ ПОВОДАМ — УЛЫБКИ